

- the development]. *Bulletin of the Tomsk Polytechnic University*, 2013, vol. 322, no 6, pp. 26–32.
16. Kostyunina G.M., Baronov V.N. Tekhnoparki v zarubezhnoy i rossiyskoy praktike [Tekhnoparks in foreign and Russian practice]. *Innovatsii v Rossii* [Innovation in Russia]. Available at: <http://innovation.gov.ru/sites/default/files/documents/2013/25352/3950.pdf> (accessed at 1 December 2013).
  17. *Rasporyazhenie Pravitelstva RF ot 10 marta 2006* [Disposal of the Government of 10 March 2006]. Available at: http://minsvyaz.ru/ru/doc/?id_4=178 (accessed at 1 December 2013).
  18. *Ediny informatsionno-analitichesky portal gosudarstvennoy podderzhki innovatsionnogo biznesa* [Consolidated information-analytical portal of state support for innovative business development]. Available at: http://innovation.gov.ru/page/383?title=&field_orgtype_tid=671&field_region_tid=All&page=7 (accessed at 1 December 2013).
  19. *Molodye. Innovatsionnye. Kreativnye. Katalog molodezhnykh innovatsionnykh proektov* [Young. Innovative. Creative. Catalog of young innovative projects]. Irkutsk, Irkutsk State Polytechnic University, 2012. 25 p.
  20. Korniyakov M.V., Sinityna K.S., Zvezdin A.V. Problemy i napravleniya razvitiya innovatsionnoy infrastruktury [The problems and directions of the development of NR ISTU innovation infrastructure]. *Bulletin of the Irkutsk State Polytechnic University*, 2012, no. 8 (67), pp. 172–176.

УДК 330.101.8

СТРУКТУРА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ЗНАНИЯ В УСЛОВИЯХ МЕЖСТАДИАЛЬНОГО ПЕРЕХОДА

Барышев Алексей Андреевич,

канд. экон. наук, научный руководитель
НПО «Universitas Magistrorum et Scholarium»,
Россия, 634061, г. Томск, ул. Тверская, 14. E-mail: barishevnp@mail.ru

Барышева Галина Анзельмовна,

д-р экон. наук, зав. кафедрой экономики Института
социально-гуманитарных технологий ФГБОУ ВПО «Национальный
исследовательский Томский политехнический университет»,
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, д. 30. E-mail: ganb@tpu.ru

Актуальность работы обусловлена необходимостью развернутого анализа определяющей роли знания в индустриальном и постиндустриальном обществе через призму осевого принципа социальной динамики и построения общественных структур.

Цель работы: доказать необходимость определения параметров знания в индустриальной и постиндустриальной среде, выявить их внутреннюю сопоставимость на основе сетевых принципов; показать связь множественности векторов социального развития и определить глубинные причины кризиса системы профессионального образования.

Методы исследования: Применена диалектика живого и овеществленного труда к выявлению конкретно-исторической специфики и формы саморазвивающейся системы знания индустриального общества.

Результаты: Показано, каким образом доминирование овеществленного знания кодирует процесс структурообразования в общественном масштабе, какие структурообразующие институты возникают в этом процессе, как в порождаемых структурах программируется социальная динамика. Определены особенности рационального знания в индустриальном мире и специфика линейной модели прогресса на основе доминирования овеществленного знания. Переход к доминирующей роли живого знания в качестве субстанции социального определяет множественный (альтернативный) характер порождаемой (конструируемой) социальной реальности, социально-ролевой спектр участников этого процесса. Изменяется структура социально-творческого знания, в которой все большую роль начинает играть социально-ролевое знание субъектов формируемой реальности. Сделаны выводы о конгруэнтности системы социально-творческой деятельности, основанной на знании, и системы формирования знания участников этой деятельности.

Ключевые слова:

Индустриальная система знания, постиндустриальное общество, неявное знание, всеобщность рационального знания, социализация знания, профессиональное знание, модернизация профессионального образования.

Современная профессиональная подготовка в сфере высшего образования требует определения параметров знания, необходимого для эффективной деятельности в рамках стремительно формирующейся постиндустриальной среды. Историческая специфика знания в обществах предшествующих типов являлась иносказанием содержащихся в общественных отношениях кодов социального действия индивидов. Программа социальных действий определялась на основе местных естественных условий, а общественные отношения выступа-

ли отношениями замкнутой локальной непосредственной общности. Они формировались как результат реализации конкретно-контекстного знания, разделенного на изолированные сферы и связанного лишь единым нравственным смыслом.

Индустриализация общественных отношений потребовала иного качества знания, которое можно определить как всеобщее, нравственно и социально нейтральное, формализованное, обладающее однозначной истинностью, но предметно разделенное по научно-дисциплинарным пакетам, яв-

ляющим составными частями единой картины мира. В ходе развития постиндустриальных тенденций формируется новый тип знания, который в современной литературе идентифицируется по-разному, в зависимости от конкретной отрасли, в которой сформировались новые парадигмы, в том числе постнеклассика и постмодернизм [1. С. 640–660; 2. С. 33–45; 3. С. 12–17].

При этом в отношении предмета нашего исследования – профессионального знания – возникает своеобразная двойная рефлексия, не позволяющая обеспечить четкости его отражения по причине плохого на данный момент качества «зеркал». С одной стороны, профессиональное знание не может быть не затронуто постиндустриальными изменениями в тех сферах деятельности, в которых эти изменения происходят. С другой стороны, само знание об этом также должно соответствовать новой эпохе. Не принимая на себя ответственности в данной статье за решение подобных вопросов, ограничимся лишь социальными контурами профессионального знания, оставив в стороне анализ форм его существования и происходящих с ними метаморфоз в процессе деятельности постиндустриального человека.

Положение об определяющей роли знания в постиндустриальном мире без понимания нового социального содержания знания, способов его производства и передачи получает ресурсную интерпретацию в духе традиционных научных представлений. Индустриальная экономика добралась, наконец, до человеческого интеллекта и знаний, которые он создает, превратив знания в производственный актив (прагматический подход), а интеллект – в непосредственный объект эксплуатации (критический подход). Такая интерпретация, хотя и является широко распространенной в экономической и социальной литературе, никакого отношения к «новой экономике», и тем более к постиндустриальной парадигме, не имеет [4. С. 17–18].

Если «социальный код» индустриального общества предполагает, что овеществленное знание выступает как программа социального структурообразования и проектирования, то в постиндустриальном обществе знание играет принципиально новую роль осевого принципа социальной динамики и построения общественных структур. Дело здесь не просто в изменении роли знания, а в том, что это изменение является выражением нового социального содержания знания и соответствующего ему нового способа его производства и передачи [5. С. 5–30].

В связи с этим формулируемый многими исследователями и участниками общественных обсуждений кризис образования можно определить как противоречие между формами образовательного процесса и его содержанием [6. С. 369].

Соответственно, исходным пунктом модернизации образования, на наш взгляд, не может выступать конструирование реформаторских концепций образования на основе представлений о прогресси-

рующем росте объемов информации, снижении уровня подготовки абитуриентов, мировых тенденций развития современного образования или его идеальном устройстве. Исходным пунктом должен стать анализ самого содержания образовательного процесса, каковым является формирование знаний через призму культурных особенностей [7. С. 8].

При такой постановке вопроса причина кризиса системы профессионального образования заключается в качественном, а не количественном, как это представляется на первый взгляд, изменении содержания научного знания. Предлагаемая для понимания кризиса образовательной системы и способов выхода из него цепочка зависимостей выглядит следующим образом: качественные изменения свойств знания – адекватный им способ производства и распространения знания – новые институциональные формы знания и его функционирования в обществе. Для определения социальной специфики знания, стремящегося занять место осевого принципа развития и социального структурообразования современного общества, произведем сравнение способов формирования и передачи кодов социального действия в индустриальном и постиндустриальном обществах.

В условиях индустриального общества взаимодействия индивидов достаточно жестко заданы системой искусственных средств производства. Согласно трудам К. Маркса, это эпоха господства овеществленного труда над живым трудом. Овеществленный труд обладает свойством доминировать над живым не по мистическим причинам, а потому, что является материальным условием человеческой деятельности и, будучи условием этой деятельности, овеществляет в себе не только определенные затраты физической и интеллектуальной энергии, но и знания, заключавшиеся в технологии их создания [8. С. 192].

Таким образом, новая фаза деятельности может разворачиваться только на базе нового знания, овеществленного в искусственных организационно-имущественных комплексах и накопленной в кодированной форме информации. На данном этапе анализа тезис о детерминации деятельности, как в локальном, так и в общественном масштабе, и, следовательно, систем соответствующих взаимодействий индивидов означает определяющую роль овеществленного знания по отношению к реализуемому знанию как живому труду. Безусловно, такое знание обладает определенной спецификой, по крайней мере, по отношению к предшествующей форме общества. Косвенным образом особенности индустриального знания можно определить через требования, предъявляемые индивидам, как это сделал Э. Геллнер в своей работе «Нация и национализм». Поскольку индустриальное общество характеризуется подвижной системой разделения труда и тенденцией к постоянному неограниченному экономическому росту, постольку «его члены должны быть мобильными, готовыми

переключиться с одной деятельности на другую и должны получать типовое образование, которое позволяет им пользоваться пособиями и инструкциями для овладения новой специальностью или профессией. В процессе работы они должны контактировать с большим числом других людей, с которыми они раньше не имели никаких отношений и общение с которыми, следовательно, должно быть предельно четким, не опирающимся на контекст. Они также должны быть способны общаться с помощью письменных, безличных, свободных от контекста, ни к кому определенному не обращенных типовых посланий» [9. С. 57–88].

В основе инструктивного, формализованного и обезличенного характера знаний непосредственных исполнителей лежит механическая логика индустриальной техники и вытекающая из нее индустриализация человеческих отношений в процессе совместной деятельности. Сюда относится фабричная организация труда, переносящая это инструктивное, формализованное, механическое знание об устройстве и функционировании техники на устройство и функционирование межличностных взаимодействий.

Однако механическое программирование социального структурообразования не исчерпывается только формированием специфики первичных ячеек кооперированного труда. Попытаемся определить конкретный механизм действия овеществленного знания в качестве социального кода индустриального общества.

Есть научные основания предположить, что доминирование овеществленного знания кодирует развитие и структурообразование общества строго по линии развития техники. Поскольку реализация всякого нового знания обусловлена наличием материальных условий его воплощения, постольку в индустриальном обществе действует запрет на использование знания, для которого не создана организационно-техническая база, в овеществленном виде представляющая знание, содержащее логические предпосылки для этого нового знания. Таким образом, программируется линейная схема технического прогресса, в которой различные технологии развиваются изолированно в составе своих организационно-технических комплексов, как в количественном, так и в качественном измерении. Без соответствующего социального кода такая система работать не может.

Овеществление ресурсов будущего функционирования и развития должно преобладать над объемом потребляемых в этом процессе ресурсов. Как возникла такая программа индустриального общества, остается загадкой и предметом научных споров. Однако, раз возникнув, она стала отлаживаться по линии ограничения объема потребления непосредственного производителя потребностями в нем индустриальной производственной организации, представленной в соответствующих организационно-технических комплексах овеществленного знания со стороны представителя этой организа-

ции – собственника средств производства. Именно капиталист отвечает за то, чтобы потребление рабочего обусловливалось количественным и качественным саморазвитием овеществленного труда – знания. В данном случае, если следовать линейной логике саморазвивающегося знания, ситуация очень прозрачная: для того чтобы развиваться, необходимо больше знания, чем для того, чтобы воспроизводить свое существование на стабильном уровне.

Итак, структурообразующим отношением индустриального общества является отношение между трудом и капиталом, персонифицированными в фигурах (социально-экономических персонажах) капиталиста и рабочего. В рамках данной социальной матрицы производится все, что воспроизводит и развивает индустриальное общество. Иначе говоря, только это отношение обладает творческой, производительной силой. Другие персонажи индустриального капитализма – ученые, изобретатели, преподаватели, предприниматели без капитала – являются непроеизводительными субъектами индустриального общества.

При всей популярности концепций Й. Шумпетера, В. Зомбарта и других авторов, вводящих в модель индустриального общества динамику через фигуру предпринимателя, социально-творческая роль сохраняется за капиталистом – собственником [10. С. 9; 11. С. 52–59]. Введение инноватора-предпринимателя в индустриальную модель экономики может быть отнесено на предвосхищение будущих событий, где данному персонажу отведена действительно главная роль.

С точки зрения знания как своего главного объекта накопления индустриальное общество имеет надежный механизм его производства – линейную логику развития технических систем на основе механических принципов их функционирования. Именно технический принцип заключает в себе все этапы эволюции индустриальной эпохи вплоть до полного ее исчерпания. Неявное знание об этом существует изначально от момента рождения данного принципа. Все стадии его развития находятся в достаточно узком коридоре возможностей, главным ограничением для реализации которых является запрет на перепрыгивание через стадии, устанавливающий строгий порядок причин и следствий в индустриальном прогрессе.

Однако изобретатели и прочие «рыночные авантюристы» стремятся использовать возможность быстрого обогащения, угадав следующее приращение знания, овеществленного в индустриальном прогрессе. Из массы неявного знания в условиях рыночной неопределенности они извлекают варианты самовозрастания капитала. Все заинтересованы узнать будущее раньше других, чтобы оторваться от них, овеществив в своем капитале очередную порцию неявного знания и получив не только нормальную прибыль, но и технологическую ренту за счет отставших конкурентов. Источником вознаграждения будут будущие прибыли

или убытки, если, например, в проекте оказался нарушенным принцип линейности.

В связи с этим следует отметить, что классическая предпринимательская проблематика индустриального общества не случайно связана с понятием «предпринимательского духа», которое избегает грубого экономизма, свойственного, например, категории производительного труда как труда, создающего субстанцию всех социальных связей индустриального общества. В нашем случае изобретатели как вторичные персонажи индустриального капитализма являются таковыми, поскольку обслуживают саморазвитие индустриального знания по заданному коридору возможностей, и их деятельность осуществляется за счет перераспределения общественного богатства. Последнее создается в пределах рыночных отношений, обладающих реальной творческой способностью создавать социальное пространство не только для своих контрагентов, но для рассмотренных изобретателей и предпринимателей различных проектов, политиков, чиновников, ученых, преподавателей, нетрудоспособных и т. д.

Второй составляющей социального кода индустриального общества является фрагментарность совокупного знания общества. Организационно-технические комплексы в виде фабрики овеществляют определенные фрагменты накопленного человеческого знания, изолируют их по отношению друг к другу. При этом реализующееся знание фрагментировано по социально-классовой принадлежности. Целостное знание является таким же искусственным агрегатом, как фигура рабочий-капиталист.

Социально-классовая и организационно-техническая фрагментация знания обуславливают то, что линейная модель индустриального прогресса реализуется дискретно, от кризиса к кризису. Социально-классовая фрагментация знания делит знание индивидов на знание, необходимое для личного существования, и на знание, обеспечивающее их развитие. Организационно-техническая фрагментарность отвечает за то, что каждый капитал обособленно осуществляет процесс самовозрастания овещественного в нем знания, в том числе за счет ресурсов других капиталов. В результате возникает макроэкономический эффект безбилетника. Знание каждого капиталиста состоит в том, что он обязан ограничить потребление рабочего условиями самовозрастания знания, овещественного в его капитале, и все при этом знают, что условием самовозрастания их капиталов является покупательная способность совокупного рабочего. Итак, каждый хочет переложить задачу поддержания спроса на производимые товары и услуги на других агентов производства.

С формальной точки зрения данное противоречие делает невозможным долгое функционирование индустриальной системы. Однако эта фрагментированная система овеществления знания находит выход в том, что, формально нарушая прин-

цип линейности своего развития, сохраняет его по существу путем «запараллеливания» его доступных стадий. Возникают опосредованные рынком организационно-технические комплексы, в которых становится возможным достаточно долгое производство средств производства. Таким образом, «линия» прогресса превратилась в сеть параллельных процессов, то есть стала «полосой», приобретающей еще одно измерение – ширину. Все коридоры различных организационно-технических комплексов и их сетей выходят с разных сторон на арену совокупного спроса и предложения. Она при этом не расширилась в той же мере (количественно и качественно), в какой расширились коридоры за счет параллельного расположения ранее последовательных процессов. Объем потребления рабочих ограничивается потребностями капитала в самовозрастании. Если же взглянуть на создающуюся ситуацию с точки зрения исследуемых процессов движения знания, то обнаруживается, что знание новых технологий и возможностей его получения оказываются в дефиците. Избыток по отношению к совокупному платежеспособному спросу сформировался лишь на предметы потребления, овеществляющие традиционные знания рабочих о своих потребностях. В этих условиях эквивалент своих товаров получают только те капиталы, в которых овеществлено относительно новое знание о технологии, организации, оборудовании производства, позволившее им получать прибыль при снижающихся ценах. На их базе в процессе кризиса происходят структурные изменения в экономике за счет аннулирования капиталов, аккумуляции оставшихся устаревшее, ставшее не востребованным знание. Этот период наиболее оживленный для изобретателей и предпринимателей. После структурных сдвигов индустриальная система начинает новый цикл своего движения по заданным коридорам. Вновь реализуется цель накопления овещественного знания.

Создание и функционирование живого знания также обладает определенной социально-исторической спецификой. Живое знание в условиях, когда социальное обладает безусловным и бесспорным существованием только в овещественном виде, не может не нести в себе данного социального кода. Обнаруживается, что его социально-значимыми свойствами являются только те, которые выражают его способность овеществляться или создавать субстанцию общественных отношений, представлять последние как отношения вещей. Обобщением этих свойств может служить известная формула: «ничего личного, это всего лишь бизнес». Можно сказать, что индустриальное общество предъявляет к живому знанию спрос на такую картину мира, в которой он описывается на основе единой системы понятий как абсолютно объективное, внутренне единое целое.

Такая постановка задачи является выражением утилитарного отношения ко всему, с чем имеет дело индустриальная система. Если мир может

познаваться с помощью единых понятий и логических операций с ними, то он, следовательно, может быть подвергнут на основании той же логики реальным преобразованиям. Из всех составляющих живого знания социально-значимым в рассматриваемых условиях является только рациональное знание. Для индустриального живого знания только рациональное знание отвечает задачам овеществления. Всякое другое знание будет отнесено к индивидуальным или психическим особенностям отдельных личностей. Только в пригодном для овеществления виде оно имеет право участвовать в общественных процессах, то есть стать всеобщим знанием. Можно сказать, что рациональное знание – это «деньги» применительно к миру знания.

Всеобщность рационального знания в качестве социального представителя живого знания наделяет его рядом свойств. *Во-первых*, рациональное знание может служить полем как для универсального взаимодействия всех индивидов, так и для смены конкретных видов деятельности для каждого индивида вследствие неравномерности и дискретности развития экономики. Поэтому культурная однородность, единая логика, единый язык, единые общекультурные ценности и общенаучные представления составляют значительную долю знания индустриальных людей, что обуславливает вторую особенность рационального знания в индустриальном мире, состоящую в этатизации знания и соответствующей системы его передачи.

Всеобщность знания предполагает роль государства в качестве его регулятора, распространителя и контролера так же, как оборот товаров при участии денег предполагает организацию общества в форме государства. Индустриализм предполагает всеобщую стандартизацию знаний и оценку знаний конкретных индивидов. Поэтому единственное знание, которое может иметь цену – это знание в соответствии с образовательными стандартами, засвидетельствованное в официальных нормативных документах об образовании.

Креденциализм, который становится неизбежным спутником стандартизации образования, может быть определен как особая форма овеществления, когда на рынке труда вместо знаний людей фигурируют их деривативы – дипломы, сертификаты, свидетельства о прохождении курсов повышения квалификации, что при определенных условиях порождает болезненную страсть к накоплению подобных «ценных бумаг» на знания людей. В этих условиях все большую популярность получает система «портфолио» [12. С. 30–41].

Третьим свойством рационального знания в качестве универсального поля межличностных взаимодействий является его объективизм. Объективизм, с одной стороны, означает, что следующими по значимости после общекультурной и общенаучной части рационального индустриального индивида являются значительно меньшие содержательные предметные, инструментальные и техно-

логические знания. С другой стороны, объективизм обеспечивает независимость содержания знания от социальных, классовых, сословных, психических и других личностных качеств носителей и получателей знаний. В результате университеты, если исключить вопрос об их рейтинге, дают одинаковое образование и будущим олигархам, и наемным работникам, и свободным интеллектуалам.

Безусловно, индустриальный мир знает и элитные учебные заведения, готовящие своих выпускников к исполнению особой роли в обществе. Однако они действуют вне индустриальной образовательной системы и, по сути, базируются на доиндустриальных принципах внутрикорпоративного воспитания и образования. Воспроизводство деловой и творческой элиты может осуществляться вне системы массовой высшей школы в единичном порядке. Однако общим правилом является хороший университет со стандартизированной типовой образовательной программой.

Пополнение предпринимательских изобретательских рядов также не предполагает особой подготовки в условиях индустриального университета и обеспечивается в необходимом объеме за счет природных талантов и пробивных способностей отдельных субъектов. Специальные мероприятия по подготовке предпринимателей более характерны для стран догоняющего развития, чем для развитых индустриальных стран [13. С. 225–228].

Существование в любой стране специального образования, связанного с бизнесом в какой-либо сфере, не противоречит выделенному свойству объективизма, которое выражает ориентацию образовательного процесса на предметные, инструментально-технологические и организационно-нормативные знания (знания о предмете профессиональной деятельности, средствах, способах и организационных схемах его преобразований).

Социально-деятельностные компетенции формируются фактически факультативно в зависимости от имеющихся у вуза особых возможностей обеспечить профессиональную социализацию. Образовательные стандарты относительно названных компетенций указывают, что университет должен создать условия для их формирования. Соответственно в отличие от предметно-технологического аспекта знаний социально-деятельностная сторона образования не обеспечивается теми качествами, которыми уже охарактеризовали знание и образование в условиях индустриальной системы. Причем в университетских стандартах под социально-деятельностными компетенциями часто подразумевается «общественная работа», нежели социализация в профессиональном мире. Между тем возможности вхождения в профессиональный социум становятся главными аргументами в конкуренции между университетами.

Абсурдность рассматриваемого свойства знания состоит в том, что социально-значимым, способным формировать общественную связь индивидов живое знание становится, только освободив-

шись от всякого своего социального контекста: социальных условий формирования, развития и применения. Данная ситуация обусловлена тем, что система индустриального овеществления знания рассматривает всякую деятельность как исполнительскую. Для мира всеобщего овеществления знания именно вещи определяют правила хозяйственного поведения людей. Это не противоречит тому, что высшее образование открывает доступ к руководящей работе. Дело в том, что исполнительскому труду противостоит не руководящая деятельность, а социально-творческая, устанавливающая правила, являющаяся законотворческой [14. С. 5–7].

Проведенный анализ роли знания в индустриальной и постиндустриальной среде позволяет сделать применительно к системе профессионального образования следующие выводы:

1. Система передачи знаний, адекватная индустриальной системе, воспроизводит черты самого передаваемого знания. Образовательная система индустриально зависимых обществ характеризуется признаками:
  - всеобщность как охват всего населения на всех этапах социализации;
  - общенаучное и культурно-ценностное единство всех образовательных программ;
  - объективизм как предметно-функциональная направленность конкретно-отраслевой подготовки;
  - этатизм как обязательность обеспечения стандартов образовательной системы на основе государственного руководства и контроля над ее функционированием.
2. Главная задача индустриального образования – подготовка функционеров различного уровня для производственных и бюрократических организаций индустриального типа. Проекты гуманитаризации образования отвечают задачам повышения общей культуры, но оказываются не в состоянии оправдать возлагаемые на них надежды по ускорению трансформационного перехода и обеспечению инновационного развития, так как не включают в себя понимание того, что мотивационно-ценностная функция гуманитарного знания может быть реализована

только в определенном социальном контексте. Социальная абстрактность гуманитарного знания, как и всякого знания в условиях индустриального мира, является необходимым выражением его как социально-значимого знания.

3. Если перед образовательной системой ставятся задачи, несовместимые с ее индустриальной природой, включаются административные меры, принудительно внедряющие внешние по отношению к ее внутренней логике средства их решения. При несистемной постановке задач происходит конструирование столь же несистемных образовательных форм. Результатом является обременение учебного процесса различными организационными нововведениями, входящими в противоречие с фундаментальными принципами образования в условиях индустриализма и снижающими эффективность образовательного процесса. Такая ситуация напоминает способ решения организационных проблем путем создания специальных отделов по их решению. Архитектура организации при этом искажается и теряет прочность. Компенсировать это за счет дополнительных усилий и повышения ответственности профессорско-преподавательского состава и других сотрудников организации, как правило, не представляется возможным.
4. В настоящее время формируется социально-ролевой дискурс профессиональной деятельности и профессиональной подготовки в условиях перехода к постиндустриальному обществу. Ведимые понятия отражают множественность вариантов перспектив развития, определяемых уже не столько технико-экономическими факторами, сколько характеристиками социально-ролевого спектра участников изменений.
5. Концепция макроструктуры образовательного процесса в современных условиях должна включать общенаучную, предметно-инструментальную и социально-ролевую подготовку.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ (Обеспечение доступности высшего образования и повышение его качества в условиях инновационных преобразований в России), проект № 14–32–01043а1.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Делез Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения / пер. с франц. и послесл. Д. Кралечкина; науч. ред. В. Кузнецов. – Екатеринбург: У-Фактория, 2008. – 672 с.
2. Постнеклассика: философия, наука, культура: Коллективная монография / отв. ред. Л.П. Киященко, В.С. Степин. – СПб.: Изд. дом «Мирь», 2009. – 672 с.
3. Горц А. Нематериальное. Знание, стоимость и капитал / пер. с нем. и фр. М.М. Сокольской. – М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. – 208 с.
4. Барышева Г.А. Инновационный фактор и интеллектуальный ресурс в динамизации экономики России / под ред. Ю.С. Нехорошева. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. – 224 с.
5. Фуко М. Археология знания / пер. с фр. М.Б. Раковой, А.Ю. Серебрянниковой; вступ. ст. А.С. Колесникова. Изд. 2-е, испр. – СПб.: ИЦ «Гуманитарная академия», 2012. – 416 с.
6. Барышева Г.А., Барышев А.А. Неявное знание как основа модернизации инженерного образования: опыт применения теории управления знанием в образовательной сфере // Экономика и предпринимательство. – 2013. – № 10. – С. 368–371.
7. Адизес И. Управление изменениями (+CD). – СПб: Питер, 2012. – 224 с.
8. Иглтон Т. Почему Маркс был прав / пер. с англ. П. Норвилло. – М.: Карьера Пресс, 2012. – 304 с.
9. Геллнер Э. Нации и национализм / пер. с англ.; ред. и послесл. И.И. Крупника. – М.: Прогресс, 1991. – 320 с.

10. Шумпетер Й. Десять великих экономистов от Маркса до Кейнса / пер. с англ. Н.В. Автономовой, И.М. Осадчей, Н.А. Розинской; под науч. ред. В.С. Автономова. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2011. – 416 с.
11. Зомбарт В. Буржуа: Этюды по истории духовного развития современного экономического человека; Художественная промышленность и культура / пер. с нем. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2009. – 576 с.
12. Профессии.doc. Социальные трансформации профессионализма: взгляды снаружи, взгляды изнутри / под ред. Е. Ярской-Смирновой, П. Романова. – М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2007. – 408 с.
13. Кларк Б.Р. Создание предпринимательских университетов: организационные направления трансформации / пер. с англ. А. Смирнова. – М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2011. – 240 с.
14. Моборн Р., Чан Ким У. Стратегия голубого океана / пер. с англ. И. Ющенко. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2014. – 304 с.

Поступила 20.05.2014 г.

UDC 330.101.8

STRUCTURE OF PROFESSIONAL KNOWLEDGE IN INTERSTADIAL TRANSITION

Alexey A. Baryshev,

Cand. Sc., Tomsk Institute of Business, Russia, 1B, Zalivnaya street, Tomsk, 634050, Russia. E-mail: barishevnp@mail.ru

Galina A. Barysheva,

Dr. Sc., National Research Tomsk Polytechnic University, 30, Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia. E-mail: ganb@tpu.ru

The relevance of work is determined by the need for a detailed analysis of the crucial role of knowledge in industrial and post-industrial society through the prism of the «axis principle» of social dynamics and construction of public structures.

The main aim of the study: to prove the necessity of determining knowledge parameters in industrial and post-industrial environment, to identify their internal consistency based on network principles; to show the relation between the multiplicity of social development vectors and to identify the underlying causes of the crisis in professional education system.

Methods: The authors have applied the approach to society as a system of self-knowledge. Concrete historical specificity and forms of self-sustaining systems of knowledge to industrial society on the basis of the dialectic of living and embodied knowledge are shown.

Results: The paper shows the way of encoding the process of structure formation by embodied knowledge dominance in the social scale; what «structural» institutions appear in this process and, the way of programming social dynamics in the generated structures. The authors identified the features of rational knowledge in industrialized world and specific nature of a progress linear model based on dominance of the embodied knowledge. The transition to the dominant role of living knowledge as a social substance determines multiple (alternative) character of the generated (constructible) social reality, social role spectrum of its participants. The structure of social and creative knowledge is changing. Social-role knowledge of the subjects of reality generated plays growing role in this knowledge. The authors make conclusions on congruence of social and creative activity based on knowledge, and the system of forming knowledge of participants of this activity.

Key words:

Industrial system of knowledge, post-industrial society, tacit knowledge, totality of rational knowledge, knowledge socialization, professional knowledge, modernization of vocational education.

REFERENCES

1. Deleuze G., Guattari F. *Anti-Edip: Kapitalizm i Shizofreniya* [Anti-Oedipus: Capitalism and Schizophrenia]. Trans. from French, afterword D. Kravchuk; ed. V. Kuznetsov. Yekaterinburg, U-Factorya Publ., 2008. 672 p.
2. *Postnonklassika: filosofiya, nauka, kultura. Kollektivnaya monografiya* [Postneklassic: philosophy, science, culture: The collective monograph]. Eds. L.P. Kiyashchenko, V.S. Stepin. St. Petersburg, Mir Publ. House, 2009. 672 p.
3. Gorts A. *Nematerialnoe. Znanie, stoimost i kapital* [Intangible Knowledge, the cost and capital]. Trans. from German and French M.M. Sokolskaya. Moscow, Publishing House state University – Higher School of Economics, 2010. 208 p.
4. Barysheva G.A. *Innovatsionny faktor i intellektualny resurs v dinamizatsii ekonomiki Rossii* [Innovation factor and intellectual resource in dormant economy of Russia]. Ed. Yu.S. Nekhoroshev. Tomsk, Tomsk University Press, 2001. 224 p.
5. Foucault M. *Arkheologiya znaniya* [The Archaeology of Knowledge]. Trans. from French M.B. Rakova, A.Yu. Serebryannikova; ent. aticle A.S. Kolesnikov. 2nd ed., rev. St. Petersburg, Gumanitarnaya Akademiya Publ., 2012. 416 p.
6. Barysheva G.A., Baryshev A.A. *Neyavnoe znanie kak osnova modernizatsii inzhenerного obrazovaniya: opyt primeneniya teorii upravleniya znanem v obrazovatelnoy sfere* [Implicit knowledge as a basis for engineering education modernization: experience of applying knowledge management theory in education]. *Ekonomika i predprinimatelstvo – Economy and Entrepreneurship*, 2013, no. 10, pp. 368–371.
7. Adizes I. *Upravlenie izmeneniyami* [Change management]. St. Petersburg, Piter Publ., 2012. 224 p.
8. Egleton T. *Pochemu Marks byl prav* [Why Marx was right]. Trans. from English P. Norvillo. Moscow, Karyera Press, 2012. 304 p.
9. Gellner E. *Natsii i natsionalizm* [Nations and Nationalism]. Trans. from English. I.I. Krupnik. Moscow, Progress Publ., 1991. 320 p.

10. Schumpeter J. *Desyat velikikh ekonomistov ot Marksa do Keynса* [Ten Great Economists from Marx to Keynes]. Trans. from English N.V. Avtonomova, I.M. Osadchaya, N.A. Rozinskaya; sc. ed. V.S Avtonomov. Moscow, Gaydar Institute Press, 2011. 416 p.
11. Sombart V. *Burzhua: Etyudy po istorii dukhovnogo razvitiya sovremennogo ekonomicheskogo cheloveka; Khudozhestvennaya promyshlennost i kultura* [Bourgeois: Studies in the history of spiritual development of modern economic man; Art and Culture Industry]. Trans. from German. Moscow, TERRA – knizhny klub Publ., 2009. 576 p.
12. *Professii.doc. Sotsialnye transformatsii professionalizma: vzglyady snaruzhi, vzglyady iznutri* [Professions.doc. Social transformation of professionalism: outside and inside glances]. Eds. E. Yarskaya-Smirnova, P. Romanov. Moscow, Variant Publ., 2007. 408 p.
13. Clark B.R. *Sozdanie predprinematelskikh universitetov: organizatsionnye napravleniya transformatsii* [Development of Entrepreneurial Universities: organizational directions of transformation]. Trans. from English A. Smirnov. Moscow, State University – Higher School of Economics Publ. House, 2011. 240 p.
14. Moborn R., Chan Kim U. *Strategiya golubogo okeana* [Blue Ocean Strategy]. Trans. from English I. Yushchenko. Moscow, Mann, Ivanov and Ferber Publ., 2014. 304 p.

УДК 321.015

НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ЗАИМСТВОВАНИЙ НА ПРИМЕРЕ УРБАНИСТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ КИТАЯ

Мартин де Йонг,

PhD, профессор государственной политики, доцент Факультета технологий, политики и менеджмента Технологического университета Делфт (Нидерланды); профессор Школы менеджмента Харбинского технологического института (Китай); адъюнкт-профессор школы Международных и общественных отношений Фуданьского университета, г. Шанхай, Китай. E-mail: w.m.dejong@tudelft.nl

Латышева Елена Владимировна,

канд. филос. наук, доцент каф. культурологии и социальной коммуникации Института социально-гуманитарных технологий ФГБОУ ВПО «Национальный исследовательский Томский политехнический университет», Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, д. 30. E-mail: Levsky@tpu.ru

Гончарова Наталья Александровна,

ст. преподаватель каф. культурологии и социальной коммуникации Института социально-гуманитарных технологий ФГБОУ ВПО «Национальный исследовательский Томский политехнический университет», Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, д. 30. E-mail: natg@tpu.ru

Актуальность работы обусловлена необходимостью исследования составляющих успешного политического и экономического развития Китая, пример которого представляет интерес с точки зрения методов и приемов заимствования и адаптации социально-политических институтов. Для российского сообщества это особенно важно в связи с ускоренными темпами социально-экономического развития и с необходимостью поиска эффективных моделей этого развития. Однако многие исследователи отмечают определенные негативные последствия, связанные с тем, что заимствованные модели не адаптируются с учетом национальной и местной культурной специфики. Китайский вариант реформ представляет собой иной подход, который, по мнению авторов статьи, является если не более успешным, то, по крайней мере, достаточно эффективным в условиях специфических национальных экономик.

Цель работы: выявление и обоснование подходов, отражающих национальную специфику заимствования политических институтов, на примере реализации проектов развития эко-городов Китая.

Методы исследования: сравнительный анализ, включенное наблюдение, контент-анализ, ретроспективный анализ и экспертная оценка.

Результаты: Выявлены административные механизмы, которые позволяют говорить об институциональной трансплантации в Китае. Обосновано, что эклектика, креативность, градуализм и критическое отношение, с которыми происходит институциональная трансплантация в Китае, оказываются ключевыми факторами его административной стабильности и экономического успеха. Установлены особенности адаптации концепта эко-города посредством исследования урбанистской политики Китая.

Ключевые слова:

Институциональная трансплантация (заимствование), градуализм, эклектика, урбанистическая политика, эко-город.